

❓ Опять же вопрос, связанный с искусством. Есть некие произведения, от которых становится физически нехорошо. Часть из них основана на трансляции страданий. С вашей точки зрения, насколько правомочны авторы делать это, по сути усугубляя и укрепляя страдания?

— Это опять-таки очень тонкий момент. Казалось бы, в искусстве можно всё. Но недавно в Эрмитаже проходила выставка одного художника. В качестве экспонатов были представлены чучела кошек и собак, сбитых насмерть на дорогах, подобранные этим художником и оформленные им в качестве экспозиции. Я написал об этом пост в фейсбуке, который вызвал и большую поддержку, и много возмущения. У многих были ожидания, что я придерживаюсь совершенно иной позиции. Очень многие творческие люди высказались как раз в поддержку этого художника, и ничего не «щёлкнуло» внутри, чтобы пересмотреть свою позицию относительно искусства, о чём-то себя дополнительно спросить. То есть большинство людей, которые считают, что они понимают в искусстве, уверены, что для того, чтобы обратить внимание на какую-либо тему, можно садистски зацепить за больное, можно всё. Эти люди считают, что никакого воздействия на искусство с какой бы то ни было стороны быть не может, нельзя сказать художнику, что он может делать, а чего ему делать нельзя. И я, безусловно, с этим согласен. Но! У художника должна быть внутри какая-то мера, внутреннее ощущение, о чём и какими средствами он повествует. А если оно не срабатывает, художник перестаёт быть художником и становится просто маньяком.

Художник — прежде всего человек. Если человек делает то, что ему делать непозволительно не как «артисту», а как человеку, то тут речь уже не о цензуре и не о невмешательстве в искусство, а о законах жизни в обществе, от которых не освобождён никто. Искусство — очень удобная «крыша» для того, чтобы обнародовать продукты нашего обезумевшего сознания и требовать для них и для себя неприкосновенности. Искусство — это, наверное, самый удобный способ пестования своей гордыни. В современном мире это происходит очень быстро и очень успешно. И в очень многих слу-

чаях король под мантией просто голый. Ничего страшного, пусть ходит голый, если ему не холодно. Стриптиз всегда имеет большой коммерческий успех. Но если стриптизёр ещё и садист-маньяк, то было бы здорово, если бы кто-то ему сказал: «Слушай, парень! Эрмитаж — это не психбольница. Ты ошибся дверью». Но если и командир Эрмитажа считает садиста художником — видимо, он тоже ошибся дверью.

У ХУДОЖНИКА ДОЛЖНА БЫТЬ ВНУТРИ КАКАЯ-ТО МЕРА, ВНУТРЕННЕЕ ОЩУЩЕНИЕ, О ЧЁМ И КАКИМИ СРЕДСТВАМИ ОН ПОВЕСТВУЕТ

Вообще, по-моему, полезное регулярное упражнение для любого из нас — спросить себя: а я не ошибся? Я вообще что-то ещё чувствую? Не нахожусь ли я в психушке, где на палатах таблички «свобода», «искусство», «демократия» и прочие красивые слова? Если не делать это упражнение, то не надо удивляться, что самыми яркими и популярными жанрами в искусстве XXI века являются войны и терроризм, и укрыться от этого «перформанса» нелегко.

Было бы странным, если бы искусство не говорило о страданиях. О чём сообщает музыка Баха? Причём вся. Там каждая нота — восхождение на Голгофу. Но сделано это совершенно в иной форме, чем, к примеру, в современном кино, где постоянно льются голливудские фонтаны крови под соответствующую музыку, и нам предлагают считать это искусством. Бах сообщает о страданиях несколько иным способом и, в общем, достигает той цели, которую искусство, наверное, и должно перед собою ставить. То есть под его воздействием мы меняемся, и меняемся в какую-то очень настоящую сторону. И если мы посмотрим на огромное количество различных произведений искусства, то увидим, что про страдания очень много всего сказано. Ну а как иначе? Но очень важно, в каком состоянии находится автор, куда меняется он сам и те, кто читает, смотрит, слушает. По-

вторю: нет ни рецептов, ни запретов. Есть ответственность каждого творческого человека за то, с чем он идёт к людям. И как только начинается подход «смотрите, я — гений!», тут же заканчивается очень много всего.

❓ Мы с вами плавно перешли к попытке найти критерии того, что хорошо и что плохо в искусстве. Я постоянно пытаюсь это сделать с целью объяснить своим детям. Однако не получается.

— У вас это и не получится! И, думаю, ни у кого не получится. Главное здесь — понять, что это в принципе невозможно, и уже успокоиться. Искусство существует по условным правилам. Люди, которые искусство создают, пытаются облечь в некие формы глубокие слои размышлений, ощущений, медитаций. Но произведения не становятся от этого безусловными и абсолютными, то есть для них нет одинаковых критериев. Есть, допустим, «Страсти» Баха. Но могут быть люди, которые смотрят на них с каких-то своих позиций и считают неудачной вещью. И вы ничего не сможете доказать.

Вот простой пример — Пелевин. Многие люди, считающие себя серьёзными ценителями высокого искусства, не то что не считают его выдающимся писателем, но относятся к нему как к автору попсовых романов, которые он штампует без особого труда. А я считаю его самым великим писателем во всей истории русской литературы. И, похоже, не только русской, но и мировой. И гораздо больше, чем писателем. Ну, что я могу поделаться?

❓ Наверное, меня не поймут, если я не задам вопрос о Дягилевском фестивале.

— Прежде всего, наверное, следует сказать о Теодоре (*Курентзисе* — ред.). Он создал вокруг себя пространство, в котором самые разные люди проявляются в самом сильном своём качестве. Допускаю, что если бы они встретились в иной ситуации, то оказались бы просто несовместимы друг с другом. Фестиваль устроен парадоксальным образом: предельно разные люди оказываются частью одного целого. Наверное, во многом причина этого в самом Теодоре, в нём соединяются абсолютно несовместимые вещи, как говорил Хармс, «неизвестным науке способом». Но то,